

ТЕЗИСЫ КОНФЕРЕНЦИИ

«Африка - восходящий центр формирующегося многополярного мира»

I. СЕКЦИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ТРАЕКТОРИИ РАЗВИТИЯ АФРИКАНСКОГО КОНТИНЕНТА

Дегтерев Д.А., зав. кафедрой теории и истории международных отношений РУДН; проф. МГИМО МИД России; д.пол.н., к.э.н., проф.

Неоколониализм в XXI в.: от критического дискурса до анализа практики (на примере Африки)

Антиколониальный дискурс получил широкое распространение как в трудах самих африканцев (Н. Нкрума, Дж. Ньерере, Н. Мандела и др.), а также работавшего в Африке Ф. Фанона, так и в критических (неомарксистских) европейских исследованиях отношений Север-Юг. Достаточно широко он был представлен и в советской литературе – на кафедре теории и истории международных отношений РУДН была подготовлена база данных «Советские исследования неоколониализма» (<https://ir.rudn.ru/ru/databases/studies-of-neo-colonialism>) и проведен обзорный анализ данной литературы, значительная часть которой остается актуальной и по сей день.

С другой стороны, необходимы критические подходы и деконструкция постколониальных исследований (Postcolonial Studies), в т.ч. дискурса внутренней колонизации – отдельного нарратива, формировавшегося преимущественно в США и Великобритании выходцами из стран Азии и Африки в 1980-2010-е гг. и, как правило, подменявшего подлинную антиколониальную борьбу.

На рубеже 2020-х гг. стал возрождаться подлинно антиколониальный дискурс, публичными представителями которого в Африке стали такие panaфриканисты, как Кеми Себа и Натали Ямб, в академической среде – такие исследователи как Франклин Ньямси и др.

Развитие антиколониального дискурса в целом отражало происходившие в африканских странах изменения в политике бывших метрополий и неоколониальных практиках, которые привели к формированию в XXI в. коллективного неоколониализма в различных сферах, в частности, в финансовой. Речь идет о новой форме неоколониализма во главе с США, который утвердился в 1980-е гг. по мере реализации программ структурной перестройки экономики под эгидой МВФ и Всемирного банка и представлял реколониацию Африки (ср. с колонизацией Африки в конце XIX в.). При этом роль Франции, Великобритании и других бывших метрополий сократилась до субимперских центров силы.

В торговой сфере коллективный неоколониализм осуществляется в формате соглашений об экономическом партнерстве ЕС со странами АКТ.

В военной сфере наблюдается консолидация политики стран «коллективного Запада», реализуемой в разных форматах – как в рамках односторонних военных интервенций Франции, военного присутствия США (деятельность АФРИКОМ), а также гражданских и военных миссий ЕС, в тесном контакте с миротворческими операциями ООН в Африке, руководящий состав которых, как правило, составляют представители стран «коллективного Запада». Наблюдается дальнейшая консолидация западных усилий, в т.ч. попытки привлечь к реализации своих инициатив других международных, в т.ч. незападных партнеров («Альянс за Сахель», «Коалиция за Сахель», P3S и др.).

Особую роль играет неоколониализм в информационной и научной сфере.

Формировании «других модерностей» и место Африки в данном процессе

В научном дискурсе, посвященном моделям развития незападных стран, в настоящее время существуют две парадигмы. Суть первой - абсолютизация исторического опыта и планов на будущее Западной Модерности (современности) как универсального образца мирового развития. Вторая парадигма характеризует развитие незападных государств как множество и разнообразие моделей, в результате чего сформировались или формируются «другие» (несхожие с западной) модерности - (цивилизации), обладающие специфическими социокультурными особенностями, традициями, механизмами развития.

Следует отметить несколько методологических постулатов данной темы:

1. Незападные «другие» модерности в своей динамике формируют несколько зон цивилизационной активности, которые могут быть названы «зонами силы» (притяжения). Чаще всего говорится о трех зонах активности – южно-азиатской, восточно-азиатской и арабо-мусульманской. Недостаточно в научном дискурсе представлен африканский регион и регион Латинской Америки. Африканский регион, тем не менее, явно демонстрирует восходящую динамику формирования «другой модерности», во многом уже определившей свои цивилизационные задачи, предпочтения и планы (Повестка дня 2063).

2. В Западной модерности (претендующей на статус универсальной мировой цивилизации) в настоящее время произошли глубокие изменения, в целом имеющие нисходящий характер, и при этом несущие миру огромные угрозы. Отметим следующие изменения:

а) Разрыв между принципами и институтами. Принципы – цивилизация, основанная на христианской этике; нуклеарная семья; гендерные роли; права человека; свобода слова; демократия; рынок; благосостояние и т.д. – по-прежнему декларируются как универсальные и образцовые, но соответствующие им институты стали во многом неэффективными или даже дисфункциональными.

б) Превращение США в новую колониальную империю, контролирующую практически весь мир и диктующую ему свою волю.

с). Спровоцированные коллективным Западом, прежде всего США, «процессы управляемого хаоса» (Стивен Манн) превратили весь мир в «общество риска» (Зигмунд Браун), так как риски (ядерные, технологические, экологические, био-генетические и т.д.) не знают пространственных границ.

3. В противодействие западным угрозам, новые мировые силы – другие модерности, сформировавшиеся и формирующиеся незападные цивилизации, объединяются, вступают в разнообразные альянсы, помогают друг другу. Африканские устремления и ценности, основанные на панафриканизме и афроцентризме, сочетаются с взаимодействием с названными зонами активности и притяжения, вырабатываются новые ценности и смыслы: гармонии, «правосубъектности» (термин, употребляемый африканцами), экономического и финансового суверенитета, меритократии, отношений, основанных не на меркантилизме, а на этике, и т.д. В названных ценностях просматривается влияние восточно-азиатской зоны активности и, прежде всего, Китая.

Ткаченко А.А., к.э.н., Институт Африки РАН,
Ткаченко К.А., к.э.н., Институт Африки РА

Возможно ли стабильное «восхождение Африки» в качестве одного из центров многополярного мира?

1. Африка многолика: 54 государства разительно отличаются друг от друга по численности населения, размерам территории, природно-

климатическим условиям. Но главное различие – в уровнях развития, прежде всего – в уровнях дохода на душу населения. Более пяти десятилетий около трех десятков стран континента относятся к наименее развитым (в 1971 г. в резолюции 2768 ГА ООН был утвержден их первый список) и немалое число – около двух десятков – к странам с невысоким уровнем экономического развития. Лишь единицы – отдельные государства демонстрируют относительно высокий уровень дохода на душу населения и при этом в их экономике преобладает узкий набор отраслей, что ставит под вопрос долгосрочные перспективы прогресса. Кратко говоря, для большинства стран Африки характерен годовой доход в \$2-5 тыс. Доля населения с прожиточным уровнем ниже черты бедности (менее \$1,9 в день) в Германии и Франции – 0,0; Израиле – 0,2; Японии – 0,7; США – 1,0; в среднем по региону Ближнего Востока и Северной Африки – 7,1; в мире – 8,6; Гане – 12,7; ЮАР – 18,7; в среднем по региону Южной Азии – 15,3; Индии – 22,5; Гвинее – 23,2; Эфиопии – 30,8; Нигерии – 39,0; Республике Южный Судан – 76,5; Мадагаскаре – 78,8.

2. Обширные масштабы бедности (по некоторым оценкам, до половины жителей континента живет на уровне бедности или ниже) вкупе с многоформатными конфликтами и перманентно вспыхивающими в различных районах Африки гражданскими войнами – факторы, в одних странах препятствующие, в других блокирующие или даже разрушающие частнопредпринимательскую массовую инициативу, без которой не реально достижение целей «Африка – 2063».

3. Наряду с низким уровнем жизни, бедностью и разрушительными конфликтами значителен круг прочих факторов, препятствующих цивилизационному прогрессу в Африке – коррупция, низкий уровень управленческих практик, разворовывание бюджетных средств и т. д. Ущерб от них не меньший, чем от двух первых «африканских бед». Отличительная их черта – эти факторы носят устойчивый характер.

4. Как показал исторический опыт первых шести десятилетий независимого политического развития Африки, универсальное средство

преодоления «порочного круга развития», реальная альтернатива топтанию на месте, сползанию к регрессу – комплексный подход к преодолению исторически унаследованных и появившихся новых, не поддающихся быстрому решению проблем.

5.«Если ничего не делать» в такой, казалось бы безысходной ситуации, то «ничего и не будет». Ключом к решениям, пусть и не идеальным (а другого и не следует ожидать), должно явиться формирование транспарантной, сменяемой власти на всех уровнях на основе узаконенной конституционной нормы. Власти, регулируемой как национальной нормой, так и международной. Исторические прецеденты такой международной нормы есть – международное законодательство, сформированное под сенью ООН; более того, такая норма введена и Африканским союзом, это - приостановка в результате военного переворота членства в АС (в ракурсе идеи «африканским проблемам – африканское решение»), etc. Объективные данные: статистические показатели, в том числе рейтинги экономического роста, ИРЧП, средней продолжительности жизни, свободы ведения бизнеса и другие, а также программы национального развития свидетельствуют о наметившихся в первые два десятилетия XXI в. локальных/страновых позитивных сдвигах, пусть и ограниченных, не вполне устойчивых в преодолении накопившихся проблем.

6.Перспективы восхождения Африки и формирование ее, как одного из центров многополярного/полицентричного мира, в решающей мере зависят от преодоления резко возросшей в последний период неопределенности в мире и выхода из острейшей глобальной конфронтации ключевых акторов международных отношений, грозящей катастрофой.

Особенности формирования нового этапа хозяйственного развития стран Африки южнее Сахары

В течение 60-летнего периода независимого развития государств Африки южнее Сахары (АЮС) они неоднократно пересматривали стратегии экономического развития. На трансформацию ранее преобладавшей в большинстве этих стран традиционной экономической системы оказывали влияние противоположные факторы: с одной стороны, укрепление позиций национального государства в экономике, а с другой – рост зависимости от внешнеторговой конъюнктуры и доступа к внешним финансовым ресурсам.

В постколониальном периоде можно выделить четыре этапа поиска странами АЮС модели хозяйственного развития:

1) 1960–1970-е гг. – выбор между капиталистической и социалистической моделями на фоне укрепления ведущих позиций государственного сектора;

2) 1970–1980-е гг. – попытки реализации политики опоры на собственные ресурсы на основе проведения ускоренной индустриализации, оказавшиеся в целом неудачными (вследствие резкого падения мировых цен на сырье и последовавшего снижения ВВП, а также значительного сокращения сельскохозяйственного производства, что спровоцировало масштабный голод, недоедание и безработицу);

3) 1980–1990-е гг. – реформы во многих странах Африки по программам МВФ и ВБ (на основе приватизации госсобственности и либерализации внешней торговли и ценообразования), которые привели к неоднозначным результатам: с одной стороны они способствовали ускорению экономического роста и внедрению принципов свободного предпринимательства на фоне роста мировых цен на минеральное сырье и списания международными кредиторами долгов ряду государств АЮС, а с другой - значительному

усилению неравенства в уровне доходов, масштабов безработицы и сокращения социальных услуг.

4) В XXI в. в странах АЮС началась разработка принципиально нового подхода к стратегическому планированию на национальном, региональном и общекоминентальном уровнях. Традиционная, как правило раздробленная система полунатуральных хозяйств, доминирующих в аграрном секторе и в сфере услуг, все чаще сочетается с рыночными формами регулирования, в т.ч. в госсекторе. Проведение ряда институциональных реформ в финансовой, социальной, экологической сферах отразилось на ускорении экономического роста и заметном приросте реального душевого дохода в половине стран АЮС (от 2,0% до 9,7% в год). Это позволило им продвинуться в хозяйственном развитии и некотором повышении международной конкурентоспособности.

В 2020-е гг. заметно возрастает влияние на хозяйственное развитие общемировых процессов (технологическая революция, пандемия COVID-19, геополитические сдвиги). Страны АЮС, даже располагающие значительными запасами востребованного на мировых рынках сырья, остаются частью экономической периферии мира. Это мешает им приспособиться к требованиям происходящей глобальной экономической перестройки: наблюдается тенденция к снижению объемов их международной торговли, что стимулирует правительства к проведению приватизации в ключевых секторах и привлечению средств за счет продажи государственных активов. Вместе с тем наблюдается усиление региональных и общекоминентальных хозяйственных и финансовых структур, а также стремление этих стран преодолеть неокOLONиальное влияние, особенно со стороны нефтяных и горнодобывающих ТНК.

Основные направления развития африканской экономики

В начале 20-х годов XXI в. отчетливо выделяются три направления экономического развития африканских стран.

Ведущим из них является цифровизация - внедрение современных цифровых технологий в различные сферы производства и быта. Признавая его значимость для обеспечения инновационного, инклюзивного и устойчивого роста, стимулирующего создание рабочих мест, способствующего борьбе с бедностью и сокращению неравенства, Африканский союз разработал Стратегию цифровой трансформации Африки на период 2020-2030 г.г.

Главной ее целью является формирование к 2030 г. единого защищенного цифрового рынка в Африке, где обеспечивается свободное передвижение людей, услуг и капитала, а частные лица и предприятия могут беспрепятственно получать доступ к онлайн-операциям в рамках Африканской континентальной зоны свободной торговли, при этом 99,9% африканцев будут иметь цифровую идентификацию.

С середины 10-х годов XXI в. все отчетливее прослеживается в Африке такое направление развития, как «зеленая энергетика». В 2015 г. на континенте была запущена программа Africa Renewable Energy Initiative (AREI) для ускорения и расширения масштабов использования его огромного потенциала возобновляемых источников энергии. На первом этапе ее реализации (до 2020 г.) была поставлена довольно скромная цель довести установленные мощности из возобновляемых источников энергии до 10 ГВт, которая была успешно достигнута.

Задачи на 2030 г. сформулирована весьма и весьма амбициозно – планируется установить дополнительные мощности на 300 ГВт. Однако объявленная ЕС программа 4-го энергетического перехода, которую Европа планирует осуществить в значительной мере за счет реализуемых в Африке

проектов, а также предложенное ей содействие в развитии африканской «зеленой энергетики», свидетельствуют о том, что и этот показатель может быть достигнут.

В результате реализации программы AREI доля электроэнергии, выработанной из возобновляемых источников в Африке возросла с 18,0% в 2015 г. до 22,1% в 2021 г.

В отличие от цифровизации и «зеленой энергетики» ускоренное развитие «голубой экономики», стартовало совсем недавно, поскольку стратегия ее развития – African Blue Economy Strategy (ABES) - была принята Африканским союзом только в 2019 г. На момент ее разработки добавленная стоимость африканской «голубой экономики», в которой было занято 49 млн человек, оценивалась в \$296 млрд. В соответствии с прогнозами ее авторов к 2030 г. эти цифры возрастут соответственно до 57 млн и \$405 млрд, а в 2063 г. – до 78 млн и \$576 млрд. Тремя ведущими сферами «голубой экономики» должны стать офшорная добыча полезных ископаемых, пляжный и морской туризм, а также «голубой углерод» и другие экосистемные услуги, генерируемые водными экосистемами.

Калиниченко Л.Н., ст.н.с.,
Институт Африки РАН

Главные направления экономических преобразований в стратегии ЭКОВАС «Видение 2050»

Углубление интеграционных процессов на континентальном уровне в результате запуска в январе 2021 г. Африканской континентальной зоны свободной торговли (AfCFTA) подтверждает стратегическую важность региональных механизмов в достижении целей развития. В рамках Экономического сообщества государств Западной Африки (ЭКОВАС) приверженность экономическому и валютному союзу являются ключевыми направлениями, в рамках которых развивается регион, что требует от

Сообщества четкой программы действий и новой стратегической ориентации на следующие три десятилетия до 2050 г. Новая концепция развития, принятая в 2022 г. и пришедшая на смену «Видению 2020», учитывает новые подходы к организации производства в условиях Четвертой промышленной революции, характеризующейся повсеместным внедрением инновационных технологий, и связанные с этим актуальные преобразования в экономической и социальной сферах.

Пандемия COVID-19 и ее негативные последствия продемонстрировали недостаточную экономическую устойчивость стран-членов Сообщества. Несмотря на обнадеживающие темпы экономического роста в последние годы, уязвимость региона к внешним потрясениям остается препятствием для его развития, в основном из-за чрезмерной зависимости от доходов, получаемых от сырьевого сектора, и низкой диверсификации экономики, в которой преобладают отрасли с низкой добавленной стоимостью. Определенный прогресс был достигнут в осуществлении программы электроснабжения, продвижении возобновляемых источников энергии и повышении энергоэффективности. Социальная ситуация в регионе остается неустойчивой в связи с быстрым ростом населения, более 60% которого составляет молодежь с низким уровнем грамотности и высокой безработицей.

Стратегия «Видение 2050» нацелена на инклюзивное и устойчивое развитие на основе оптимального использования человеческого потенциала и природных ресурсов. Она предусматривает структурную трансформацию экономики, поддержку предпринимательства, науки, технологий, инвестиций в растущие сектора и направлена на продвижение эффективного управления природными ресурсами и укрепление устойчивости региона к изменению климата и экзогенным потрясениям.

В соответствии с национальными планами государств-членов Сообщества были определены пять главных целей развития, в рамках которых намечены стратегические задачи и конкретные направления трансформации экономики и совершенствования социальной сферы. Среди экономических

преобразований можно выделить сбалансированное развитие территорий, цифровизацию отраслей экономики, внедрение искусственного интеллекта и других инновационных технологий, расширение производственно-сбытовых цепочек, дальнейшее развитие индустриализации, транспортной инфраструктуры, возобновляемой энергетики и голубой экономики, укрепление государственно-частного партнерства, мобилизацию инвестиций и обеспечение благоприятного делового климата.

Улучшение условий жизни населения за счет оптимизации выгод от демографического дивиденда, повышение качества образования и укрепление научной базы, создание достойных рабочих мест для молодежи и женщин, а также развитие системы здравоохранения являются важнейшими ориентирами новой стратегии, девизом которой является «Мир и процветание для всех!».

Харитоновна Е.В., к. психол. н., с.н.с.,
Институт Африки РАН

Блокировка проектов развития в системе понятий «метрополия – периферия»

Развитие капитализма происходит при расширении территорий и захвате (использовании) ресурсных баз. Капиталистическая система не может развиваться без «расширения». Все глобальные кризисы капитализма были связаны с блокированием на определенном этапе развития возможности «расширяться». Соответственно, все выходы из кризисов тоже были связаны с нахождением возможности расширяться.

Все капиталистические системы имеют единую структуру. Они включают в себя две компоненты: «Центр» (или Метрополия) и «Периферия» (вариантом которой являются колонии). При этом экономические законы, которые действуют в рамках «Центра» и в рамках «Периферии», отличаются.

Главный принцип экономического взаимодействия Метрополии с Периферией – создание механизма, который называется «ценовые ножницы». Суть этого принципа в установлении минимальных цен на сырье, которое вывозится с «периферии» (например, из африканских колоний). Переработка сырья осуществляется в метрополии, а затем происходит ввоз готовой продукции по высоким (завышенным) ценам. Таким образом, метрополия не заинтересована в создании обрабатывающих производств в странах «Периферии» и в получении ими добавленной стоимости. Именно такие процессы осуществляются до настоящего времени и представляют собой серьезную проблему для стран, которые не входят в число ведущих развитых экономик мира и остаются сырьевой базой «Метрополии».

Конкурентная борьба между Метрополиями за Периферию (источники ресурсов, рынки сбыта) осуществляется разными способами, которые в настоящее время можно охарактеризовать как технологии «гибридной войны». В настоящее время, на основе итогов Второй Мировой войны и «Ялтинского мира», а также после распада СССР США фактически превратились в основной центр силы и создали наднациональные структуры управления миром, которые до сих пор подчиняются им.

Западный мир в настоящее время ищет выходы из кризиса. Для сохранения своего существования капиталистическая система использует две стратегии. Первая - «расширение» и приобретение новых источников сырья и рынков сбыта. Вторая – блокирование любых сильных и перспективных альянсов и альтернативных проектов, а также вышедших из повиновения лидеров, которые реально или потенциально могут быть конкурентами США как «новой метрополии».

Во второй половине середины XX в. были попытки реализовать проекты, которые могли стать альтернативой гегемонии США или ослабить ее. В их числе:

1. Ливийская Джамахирия и ее проекты.
2. Проект Китая «Один пояс-Один путь».

3. Проект «Европа от океана до океана».

В наши дни растущие экономики Евросоюза стали мишенью США. Они успешно блокируются сегодня Америкой в ходе так называемого «Украинского кризиса». Одним из инструментов ослабления Европейского союза, и прежде всего Германии, является провоцирование энергетического кризиса с целью ослабления экономики и деиндустриализации европейских стран.

Мишенью блокировки сегодня является и Россия, которая заявила о своей независимой позиции и об укреплении своего суверенитета.

В настоящее время основным альтернативным проектом коллективного Запада является БРИКС в расширенном формате, который строит многополярный мир.

Мезяев А.Б., д.ю.н., проф., заведующий кафедрой международного права, Университет управления ТИСБИ; приглашенный профессор Университета Йоханнесбурга

Международные уголовные суды как институты сдерживания независимого развития Африки

Международные уголовные суды – явление сравнительно новое для международных отношений и международного права. Первый международный уголовный суд (Международный трибунал по бывшей Югославии) создавался со значительными трудностями с точки зрения поиска правовых оснований для его учреждения. Эти трудности не были окончательно преодолены и при создании Международного трибунала по Руанде, Специального Суда по Сьерра-Леоне, а также иных специальных судов (по Уганде, ДРК, Центральноафриканской Республике и др.)

Создание Международного уголовного суда (МУС) стало критически важным событием для Африки в начале XXI в., поскольку первые двадцать лет своего существования, он рассматривал ситуации исключительно на Африканском континенте. Он расследовал дела по: Судану (Дарфур), Ливии,

ДРК, Уганде, Кении, Центральноафриканской Республике, Мали, Кот-д'Ивуару, Гвинее, Бурунди. Кроме того, в настоящее время на стадии предварительного изучения находится ситуация ещё в одной стране Африки – Нигерии.

Анализ деятельности МУС показывает, что официально заявленные им цели (борьба с безнаказанностью за совершение международных преступлений) не имеют ничего общего с реальной повесткой дня этого института. Объективная оценка политики МУС даёт основания для того, чтобы выявить три следующие реальные цели этой организации:

- 1) ликвидация неудобного высшего политического и военного руководства государств;
- 2) сохранение конфликтов;
- 3) формирование нового правового комплекса, отличного от международного права (глобальное право).

Таким образом, создание Международного уголовного суда (а также ряда других международных уголовных судебных учреждений) стало важным составным элементом формирования институциональной системы неокOLONиализма XXI в., а именно – её репрессивной части.

Денисова Т.С., к.и.н., вед.н.с.,
Институт Африки РАН

Возникновение и деятельность вилайатов «Исламского государства»¹ в странах Тропической Африки

В 2010-е годы несколько африканских исламистских повстанческих группировок («Боко Харам» и др.) присягнули на верность тогдашнему (2014–2019 г.г.) халифу «Исламского государства» Абу Бакру аль-Багдади; их значение как организаций, представлявших угрозу безопасности стран

¹ Организация, запрещенная в России.

континента, росло по мере ослабления основной фракции ИГ на Ближнем Востоке.

Поскольку деятельности «Боко Харам» и появившемуся на основе этого движения вилайату «Западноафриканская провинция Исламского государства», а также «ИГ в Большой Сахаре» и др. посвящено множество публикаций российских и зарубежных исследователей, основное внимание в данной работе будет сфокусировано на причинах и предпосылках формирования сравнительно нового африканского «филиала» ИГ – Центральноафриканской провинции «Исламского государства» (ЦАПИГ), возникшей в 2020 г. на базе повстанческой группировки Альянс демократических сил (АДС), с середины 1990-х годов действовавшей на территориях Демократической Республики Конго и Уганды. После преобразования в АДС/ЦАПИГ движение распространило свою деятельность на ряд других стран центральноафриканского и восточноафриканского регионов.

Хотя основатели АДС были мусульманами, вынашивавшими идеи создания исламского халифата, назвать движение исламистским в период его существования до 2015 г. было бы большой натяжкой. Несмотря на то, что многие мусульмане – угандийцы, конголезцы, сомалийцы, кенийцы, танзанийцы, руандийцы и т.д. – вступали в ряды АДС через исламские информационные сети, их мотивы имели не только религиозный характер: за выражением, как правило, показным, желания «сражаться под знаменами Аллаха» обычно скрывались иные причины – бедность, безработица, отсутствие перспективы, конфликт с властями и т.п. В этом отношении комбатанты АДС ничуть не отличались от участников других африканских повстанческих движений, в т.ч. неисламских.

Первые лидеры АДС не были радикалами, их действия не были прямо направлены против христианского населения, они не призывали к введению законов шариата на подконтрольных территориях и охотно набирали в свои ряды христианскую молодежь, которая чисто формально принимала ислам, – без изучения Корана и следования заветам Мухаммеда, т.е. без того, что

требовалось, например, от бойцов «Боко Харам» на северо-востоке Нигерии. Хотя имамы АДС читали проповеди в конголезских мечетях, местное население не подвергалось насильственной исламизации; не ставились и цели джихада или превращения ислама в официальную религию. Однако после прихода в 2015 г. к власти в движении его нынешнего лидера – Мусы Балуку – произошла заметная исламизация АДС; упрочились его контакты с ИГ, предоставлявшим повстанцам финансовую и военно-техническую помощь, а в июле 2019 г. Балуку присягнул на верность Абу Бакру аль-Багдади. В результате основание ЦАПИГ обрело международное измерение и обусловило дальнейшую радикализацию ислама в Центральной и Восточной Африке.

Егоров А.М., к.и.н., доц.,
Псковский филиал Санкт-Петербургского университета ФСИИ России,
Егоров И.А., м.н.с.,
Псковский государственный университет

Проблемы коалиционной миротворческой деятельности на Африканском континенте

В настоящее время внимание многих межгосударственных организаций и национальных правительств направлено на решение проблем, связанных с обеспечением миротворческих операций в Африке, уже несколько десятилетий страдающей от регулярных вспышек вооруженных конфликтов различной интенсивности. Практически половина осуществляемых в настоящее время международных миссий по поддержанию мира на планете приходится именно на этот континент, что можно объяснить колониальным наследием и связанными с ним трудностями последующего постколониального развития.

Привлечение различных миротворческих сил к стабилизации социально-политической обстановки в Африке непосредственно совпадает с процессом провозглашения независимости ее странами. Их деятельность не всегда имела непредвзятый или эффективный характер, достаточно вспомнить

не слишком удачный дебют миротворческого воинского контингента ООН в 1960-1964 гг. в ДРК, официальной задачей которого являлось оказание помощи законному правительству в его противостоянии с сепаратистами провинции Катанга. Несмотря на это премьер-министр конголезского правительства Патрис Лумумба и его соратники были убиты в январе 1961 г. фактически на глазах сохранявших пассивность войск ООН. В сентябре того же года при не до конца выясненных обстоятельствах погиб и руководивший операцией ООН в ДРК (ONUC) ее генеральный секретарь Д. Хаммаршельд, вылетевший в Катангу для переговоров.

Более удачными, хотя и не без эксцессов, можно считать действия группы ООН по оказанию помощи Намибии (UNTAG) в процессе вывода с ее территории оккупационных войск ЮАР с апреля 1989 по март 1990 гг.

С течением времени подходы к организации миротворческой деятельности в Африке эволюционировали параллельно с происходившими в мире глобальными политическими изменениями. Новый этап в политическом развитии африканского континента, совпавший с надеждами на «новый рассвет» в 1990-е гг., не привел к ожидаемой стабилизации. Одним из вопиющих событий той эпохи стал геноцид народа тутси в Руанде в 1994 г. Новые африканские конфликты на этнической и религиозной почве, распространение международного терроризма выявили недостаточно оперативное реагирование на них со стороны Совета Безопасности ООН и способствовали поиску путей для налаживания механизмов континентальной безопасности на региональном уровне.

Операции в Сомали в 1993-1995 гг., в Сьера-Леоне в 2001 г., в ДРК с 2005 г., где миротворцы под флагом ООН были вынуждены использовать силу, выходящую за пределы самообороны, продемонстрировали мировому сообществу далеко неоднозначный и противоречивый опыт. Согласно оценке шестого генерального секретаря ООН Бутроса-Гали, региональные организации по поддержанию мира имеют определенные преимущества в тех случаях, когда требуется безотлагательное развертывание соответствующих

миротворческих сил, при этом не нарушающее легитимности внешнего вмешательства в конфликт с точки зрения его участников (как, например, в Дарфуре).

Региональным ответом на новые вызовы миру и безопасности в Африке стала трансформация созданной в 1963 г. Организации африканского единства в Африканский союз, с одновременным изменением некоторых принципов в части миротворчества, и учреждение Совета мира и безопасности в 2003 г., а также работа по формированию африканских сил постоянной готовности.

Ненашев С.В., с.н.с.,
Институт Африки РАН

Африканская архитектура обеспечения безопасности в Гвинейском заливе

Первые вооруженные нападения на морские суда были зарегистрированы в Гвинейском заливе у побережья Нигерии еще в 80-ые годы прошлого века. Сложившаяся в Гвинейском заливе ситуация вызвала серьезную озабоченность у правительств расположенных на его берегах африканских стран, 90% экспорта и импорта которых осуществляется морским транспортом, а также их основных внешнеторговых партнеров в Европе, Азии и Америки.

Обострение криминогенной обстановки в этой части мирового океана стало предметом рассмотрения на заседании Совета Безопасности ООН в октябре 2011г. По итогам обсуждения была принята резолюция, в которой были отмечены усилия, предпринятые государствами Гвинейского залива по противодействию пиратству и вооруженному разбою, подчеркнута необходимость координации их деятельности и помощи международного сообщества по искоренению угрозы.

В этом плане Совет Безопасности приветствовал намерение стран Гвинейского залива провести саммит глав государств для выработки стратегии по борьбе с пиратством и вооруженным разбоем на море, которая

предусматривала бы в том числе создание соответствующей региональной структуры.

Эта встреча состоялась в столице Камеруна Яунде в июле 2013 г. В ней приняли участие не только руководители прибрежных стран, но и всех государств западно- и центральноафриканского субрегионов, а также их межгосударственных структур – ЭКОВАС, ЭСГЦА и Комиссии Гвинейского залива.

Главы африканских государств приняли ряд практических решений по пресечению незаконной деятельности на море в Западной и Центральной Африке, одобрили меморандум о взаимопонимании между их субрегиональными объединениями с целью координации усилий, утвердили Кодекс поведения, касающийся борьбы с пиратством и вооруженным разбоем на море. Таким образом была продемонстрирована их решимость претворения в жизнь лозунга «африканским проблемам африканские решения».

В последующие годы правительства стран Африки провели значительную работу по созданию в субрегионах координирующих структур по борьбе с пиратством и вооруженным разбоем на море, определению зон ответственности входящих в них государств, укреплению их материально-технической базы, разработке национальных законодательств по пресечению этой преступной деятельности, налаживанию практического сотрудничества со странами и организациями международного сообщества.

В ходе борьбы против пиратства и морского разбоя у африканских лидеров пришло осознание необходимости для обеспечения безопасности у берегов континента противодействовать и другим угрозам – контрабанде оружия, наркотических веществ, торговле людьми, нелегальной миграции, расхищению морских ресурсов.

Усилия африканцев по пресечению пиратства и вооруженного разбоя на море дали положительные результаты. Их уровень на Западе Африки в последнее время заметно снизился. Тем не менее социально-экономические

причины этой преступной деятельности до настоящего времени не искоренены, сохраняются и другие угрозы.

II. СЕКЦИЯ: АФРИКА В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Хмелева Г. А., д.э.н., проф.,
Директор Центра исследований стран Азии, Африки и Латинской Америки,
Самарский государственный экономический университет
Курникова М. В. к.э.н., доц.,
зам. директора Центра исследований стран Азии, Африки и Латинской
Аmericи, Самарский государственный экономический университет

Направления развития российско-африканской торговли: региональный аспект

Одним из перспективных географических направлений для внешнеэкономических связей России в условиях введенных против нее странами коллективного Запада жестких санкций являются страны Африканского континента. В 2021 г. объем российско-африканского товарооборота равнялся \$17,97 млрд, что составило всего 5,4% от товарооборота с Азией в \$137 млрд. Существенно нарастить экспорт в страны Африки, который в 2021 г. осуществляли более 1,5 тыс. российских компаний, вряд ли получится без серьезной работы в российских регионах. В основном он осуществляется из Центрального, Южного и Приволжского федерального округов.

Дальнейшие перспективы развития торгово-экономического сотрудничества с африканскими странами в региональном аспекте, как представляется, обусловлены следующим:

Во-первых, необходимо обратить более пристальное внимание на взаимодействие в Афросоюзом как базовой платформы развития всего Африканского континента. Целесообразно провести анализ степени совпадения стратегических приоритетов России и Афросоюза, посмотреть,

как Россия может участвовать в реализации «Повестки дня 2063». Для России интерес представляет повышение уровня инновационного развития за счет внешней торговли оборудованием и технологиями. Африка фокусируется на развитии внутреннего рынка и локализации производства импортных товаров и услуг. При этом для стран Афросоюза приоритетом является модернизация промышленности, развитие инфраструктуры. При ближайшем рассмотрении становится очевидно, что Россия располагает высокими технологиями для этого в самых разных сферах. Особо большой взаимный интерес представляет передача российских технологий в области сельского хозяйства и производства пищевой продукции для налаживания в Африке производства с более высокой добавленной стоимостью, в чем она крайне заинтересована.

Во-вторых, необходимо выделить регионы-пилоты, обладающие опытом, наибольшим потенциалом и компетенциями для сотрудничества с африканскими странами. Отработать на таких регионах аналитический инструментарий сопряжения отраслей, позволяющий сформировать представление о перспективных группах товаров для экспорта с информацией по конкретным странам. Данный подход позволит обеспечить диверсификацию торговых направлений. Настало время для более глубокого изучения рынков на уровне «российский регион – страна Африки», что позволит лучше понимать африканский рынок отдельных стран.

Во-третьих, необходима системная работа и вовлечение регионов в развитие торгово-экономических связей, поскольку регионы в настоящее время обладают достаточными для этого полномочиями, позволяющими заключать соглашения о сотрудничестве, открывать торговые представительства. Российские регионы с одной стороны напрямую заинтересованы в установлении новых и развитии имеющихся внешнеэкономических связей, с другой стороны именно в регионах лучше знают, какие предприятия, компании имеют потенциал для выхода на африканский рынок.

Копытцев И. С., стажер, Центр ближневосточных
и африканских исследований ИМИ МГИМО

Патриарший Экзархат Африки как ресурс российской мягкой силы: основные механизмы продвижения на примере Кении

На фоне продолжающегося конфликта с Константинопольским патриархатом, признавшим в 2018 г. автокефалию Православной Церкви Украины, 29 декабря 2021 г. Священный Синод РПЦ постановил образовать Патриарший Экзархат Африки в ответ на обращения ряда клириков Александрийского патриархата с просьбой об их принятии в омофор РПЦ. Представляется, что подобный шаг следует рассматривать не только в контексте догматических противоречий, но и в рамках активизации африканского вектора во внешней политике России. Так, усиление влияния РПЦ в Африке создает условия для формирования инструмента мягкой силы на континенте с более чем 40-миллионной православной общиной.

Несмотря на то, что проникновение православия в Кению относится лишь к началу XX в., а его распространение среди местного населения началось только в 1930-х гг., на сегодняшний день православная община Кении является наиболее многочисленной (около 1 млн. человек) в канонических границах Александрийского патриархата и включает 3 епархии: митрополию Найроби, Ньерийскую и Кисумскую епархии.

Следует выделить по крайней мере две ключевые проблемы, с которыми сталкивается православная община Кении:

- 1) ограничения материального характера,
- 2) практика назначения иностранцев на высшие церковные должности.

Первые шаги Патриаршего Экзархата по распространению своего влияния на территории Кении относятся к январю 2022 г., когда представители РПЦ получили возможность проводить службы в местных церквях. Несмотря на активное противодействие со стороны как духовных лидеров

Александрийского патриархата, так и руководителей кенийских епархий, на текущий момент подавляющее большинство клириков Ньери и Кисуму уже перешли в омофор РПЦ. Более того, РПЦ удалось заручиться поддержкой правительства Кении в рамках нескольких столкновений со сторонниками Александрии и в феврале 2023 г. легализовать свою деятельность, получив государственное свидетельство о регистрации в Кении.

Вместе с тем, инструменты, используемые РПЦ для укрепления позиций в Кении, вызывают дискуссии. Так, последователи Александрийского патриархата активно обвиняют своих оппонентов в меркантильности и предоставлении ложных обещаний местным клирикам и их приходам. В этой связи необходимо отметить, что апелляция к догматическим противоречиям в действительности не может считаться актуальной и убедительной в процессе поиска союзников среди православной общины Кении. Готовность Москвы использовать материальные ресурсы для решения насущных проблем отдельных приходов, а также учитывать этнические сантименты населения при рукоположении иерархов, напротив, способна стать важнейшим элементом в укреплении влияния РПЦ в Кении.

Таким образом, развитие африканского вектора во внешней политике России должно включать опору не только на экономические и военно-технические аспекты, но и на инструменты мягкой силы. Кения в этой связи представляется одним из наиболее перспективных направлений, принимая в расчет численность православной общины и специфику ее организации. В свою очередь, говоря о механизмах укрепления РПЦ на африканском континенте, следует отметить необходимость использования не столько догматических, сколько недогматических, т.е., актуальных и доступных пониманию местного населения механизмов.

Румянцев В.А., заведующий сектором,
Институт экономики НАН Беларуси,
Гончарик Н.В., с.н.с., Научно-исследовательский
Экономический институт Министерства экономики РБ

Шанхайская организация сотрудничества как новый вектор развития взаимодействия Беларуси с Африкой

На современном этапе социально-экономического развития в условиях применения санкционной политики недружественными странами Республика Беларусь изучает возможные пути выхода из сложившейся ситуации. Одним из таких направлений сотрудничества становится Африканский континент. Возможной формой взаимодействия Беларуси с Африканским континентом может стать использование площадки Шанхайской организации сотрудничества (ШОС, Организация).

В деятельности ШОС вместе со странами Азии участвуют европейское государство Беларусь и африканское – Египет. Беларусь вступила в Организацию в 2009 г. сначала в качестве партнера по диалогу, затем получила статус наблюдателя, а с 2022 г. начался процесс его повышения до уровня полноправного участника. Что касается Египта, то в сентябре 2022 г. был подписан меморандум о предоставлении ему статуса партнера по диалогу ШОС. Договорно-правовая база двусторонних отношений Беларуси и Египта включает 50 международных договоров.

К направлениям сотрудничества государств-членов ШОС относятся: экономика и торговля; финансы и инвестиции; транспорт; таможенное сотрудничество; сельское хозяйство; охрана окружающей среды; образование, наука и техника; здравоохранение; культура; спорт и туризм; миграция; предупреждение и ликвидация чрезвычайных ситуаций; молодежная политика; клуб Послов ШОС; Межбанковское объединение; Деловой совет.

Все государства-члены ШОС поддерживают партнерские отношения с Беларусью, внутри ШОС по причине российско-украинского конфликта не возникло противоречий.

ШОС установила партнерские связи с региональными интеграционными объединениями, в которых активной участницей является Беларусь. Подписаны меморандумы о взаимопонимании между Секретариатом ШОС и Исполкомом СНГ, между Секретариатом ШОС и ЕЭК.

В ходе саммита ШОС 15–16 сентября 2022 г. подписан меморандум о взаимопонимании Секретариата ШОС с Генеральным секретариатом Лиги Арабских Государств, участницами которой являются и страны Африки.

Таким образом, ШОС может стать одним из реальных векторов развития торгово-экономического сотрудничества Беларуси с Африкой, которое может быть организовано в следующих форматах:

- непосредственные двусторонние отношения с Египтом для организации двустороннего торгово-экономического сотрудничества на площадке Организации в ходе проведения на ней саммитов;

- использование на площадке Организации возможностей Египта по установлению интеграционных связей с государствами Африканского континента;

- обсуждение вопросов сотрудничества с Африкой с использованием потенциала ШОС на площадках Евразийского экономического союза и Содружества Независимых Государств;

- организация направлений торгово-экономического сотрудничества по линии ШОС-ЛАГ, а также со странами Африканского континента используя возможности Лиги.

Тавгень Е.О.,
магистр экономических наук,
н. с., Институт экономики НАН Беларуси

Развитие сотрудничества Республики Беларусь с государствами Юго-Восточной Африки

Рост экономик большинства африканских стран в последние 15 лет составляет 4-5%, а некоторых - 6-8% в год, и опережает среднемировой

уровень и показатели многих азиатских государств. Быстрыми темпами увеличивается средний класс, что создает новый емкий потребительский рынок, в том числе и для экспорта белорусских товаров и услуг. В данном контексте особую актуальность для Республики Беларусь представляет выстраивание сотрудничества с регионом Юго-Восточной Африки, учитывая высокую степень экономической интеграции расположенных там стран.

Внутри региона главным центром экономического влияния выступает ЮАР, которая является динамично развивающимся рынком, относимым к группе стран со средним уровнем дохода и обладающим богатыми запасами природных ресурсов, эффективными финансовым, телекоммуникационным, энергетическим и транспортным секторами. Это вторая по величине ВВП экономика Африки (после Нигерии) и единственное на континенте государство-член «Большой двадцатки».

К благоприятным факторам развития экономической деятельности с ЮАР можно отнести: хорошую природно-ресурсную базу (золото, платина, хром, марганец, ванадий, уголь и алмазы); статус регионального лидера благодаря стратегическому географическому положению и масштабам экономики; благоприятную деловую среду; проведение действенной монетарной и фискальной политики, гибкий обменный курс; успешное решение проблем с внешним долгом.

Перспективными являются поставки калийных и азотных удобрений, шинной и фармацевтической продукции, дорожно-строительной, тракторной и карьерной техники, запасных частей для них, нефтехимии, гидравлического и медицинского оборудования, измерительных приборов, текстиля, продуктов питания. Например, Минский тракторный завод активно осваивает рынок ЮАР. Вполне возможно, в скором времени здесь начнут выпускать под местным брендом белорусские тракторы.

Еще одной опорной точкой на африканском континенте стала Республика Зимбабве, о чем свидетельствует недавний визит президента Республики Беларусь в эту страну. Товарооборот между двумя государствами

с 2018 г. вырос в 7 раз и достиг \$39 млн. Основу экспорта из Беларуси составляет сельскохозяйственная техника, машины и механизмы. В 2020-2021 гг. реализованы поставки в Зимбабве тракторов и навесного оборудования, комбайнов, пожарной и лесной техники. Принимая во внимание аграрную направленность развития страны, из Зимбабве импортируются свежие и сушеные фрукты, овощи.

Сейчас Беларусь прорабатывает с Зимбабве создание своего рода хаба для торговли отечественной продукцией в регионе. Обсуждаются возможности взаимодействия в трехстороннем формате с соседним Мозамбиком, который выступит как минимум в качестве морских ворот Зимбабве. Среди потенциально выгодных направлений сотрудничества стоит отметить геологоразведку, добычу полезных ископаемых (поставка оборудования, передача технологий, подготовка специалистов), сельское хозяйство (механизация, предоставление консультационных и технических услуг, агропереработка), инфраструктура (водоснабжение и санитария, энергетика, биогаз, информационные технологии).

Таким образом, двусторонние отношения Республики Беларусь с государствами Юго-Восточной Африки могут выйти на новый уровень: инвестиционные проекты, производственная кооперация, участие в развитии новых перспективных секторов экономики африканских стран.

Никольская М. В., м.н.с.,
Институт международных исследований МГИМО (У) МИД России,
Андреева Т. А., м.н.с.,
Институт Африки РАН

Роль государственных и негосударственных игроков в формулировании африканской повестки США и Франции

В контексте глубоких изменений на глобальной арене с началом украинского кризиса очевидные и стремительные метаморфозы претерпевает и конфигурация сил на Африканском континенте; сотрудничество и

соперничество там внешних акторов обрывает новыми особенностями и смыслами. Такая ситуация требует, как минимум, корректировки внешнеполитических стратегий, а иногда и кардинальной их трансформации. Подобные вопросы традиционно находятся в ведении уполномоченных на то государственных структур – администраций глав государств и правительств, внешнеполитических и военных ведомств.

Администрации Э.Макрона и Дж.Байдена в целом придерживаются схожих позиций по африканским вопросам как представители западного лагеря, однако у них выделяются в качестве приоритетных разные направления сотрудничества. Так, Э.Макрон, позиционирующий себя политиком нового поколения, стремится продвигать образ Франции в качестве «стартап-нации» (start-up nation), т.е. делает ставку на контакт с молодежью (африканской диаспорой), а также представителями бизнеса.

В свою очередь, американская сторона в лице Дж.Байдена и его команды как в целом, так и конкретно на африканском направлении приоритизирует «зеленую» повестку, которая реализуется через государственные ведомства, специализированные программы и институты, так или иначе аффилированные с государством (Power Africa, Development Finance Corporation, USAID и другие).

Африканские диаспоры Франции и США заметно, хотя и по-разному влияют на политику каждого из государств. Так, африканская диаспора во Франции пользуется большим весом, чем в США, поскольку ее представители ощущают более крепкую связь с исторической родиной – и соответственно позиционируют себя в таком качестве – по сравнению с афроамериканцами, которые стали неотъемлемой частью культурного и политического ландшафта Америки.

Различное влияние на политику двух государств оказывают также и французские и американские «мозговые центры», что обусловлено в первую очередь историческим процессом их формирования и местом в сегодняшней системе принятия внешнеполитических решений. Так, в Соединенных Штатах

африканская повестка «рождается» по итогу дебатов между государственными и негосударственными акторами, а органы власти Франции, напротив, не нуждаются в разработке и оценке государственной политики негосударственными акторами.

Таким образом, зачастую «теневые» игроки (диаспоры, бизнес и аналитические центры), хотя и в разной пропорции в каждой из стран, участвуют в определении повестки США и Франции в Африке наравне с официальными государственными органами.

Кулькова О.С., к.и.н., с. н. с.,
Институт Африки РАН

Африканская политика Евросоюза: новые сюжеты и повороты 2022-2023 гг.

В феврале 2022 г. состоялся очередной саммит «ЕС-Африканский союз», до того отложенный на два года. Он должен был ознаменовать начало движения к «равному партнерству» между двумя блоками. Однако, согласно анализу европейских экспертов, за прошедший год до сих пор не было достигнуто ощутимого прогресса ни по одному из пунктов, помпезно заявленных на саммите.

В частности, саммит ЕС-АС завершился объявлением о запуске «Global Gateway», проекта стоимостью 150 млрд евро, который направлен на инвестиции в инфраструктуру в Африке. ЕС и АС также достигли соглашения о поддержке производства вакцин от COVID-19 в шести африканских странах в рамках инициативы ВОЗ.

Однако до сих пор нет конкретного ответа от руководства ЕС о том, откуда будет поступать финансирование для «Global Gateway», и шесть стран, отобранных для производства вакцины, продолжают пытаться соблюсти все сложные юридические и технические требования для получения поддержки ЕС. Вопрос о правах интеллектуальной собственности на европейские вакцины от COVID-19 и лекарства для лечения от него по-прежнему остается

острым, даже несмотря на то, что ЕС уже согласился на временный отказ от соблюдения прав интеллектуальной собственности.

Кроме того, ЕС продолжает использовать Европейский фонд мира для оказания военной помощи Украине, и темпы его истощения намного выше, чем предполагалось изначально. Африканские государства задаются вопросом, могут ли они и дальше рассчитывать на ЕС в финансировании операций по поддержанию мира в Африке.

К тому же итоги саммита ЕС – АС почти сразу были нивелированы событиями, связанными с началом российской специальной военной операции на Украине в феврале 2022 г. Этот конфликт повлек массу непредвиденных последствий, и в том числе еще больше осложнений в отношениях между ЕС и Африкой. Его побочные эффекты будут продолжать доминировать в отношениях между ЕС и Африкой в ближайшие месяцы.

Конкуренция ЕС и России в Африке в последние несколько лет нарастает и, вероятно, будет только усиливаться. Развитие партнерства РФ со странами Африки расценивается Евросоюзом как стратегическая угроза.

Приоритеты Евросоюза в Африке на 2023 г. сосредоточены на возобновлении диалога с африканскими лидерами по вопросам миграции, развития, торговли, безопасности и изменения климата.

Вопрос обеспечения энергетической безопасности обоих континентов тесно связан с индустриализацией Африки и среднесрочными и долгосрочными целями ЕС по диверсификации своего импорта углеводородного сырья. Однако возможность экспорта углеводородов в Европу не должна иметь приоритета над внутренними потребностями континента в доступе к энергии, поскольку 43% населения Африки не имеет доступа к электричеству.

У Евросоюза есть возможности нарастить инвестиции в продовольственные системы африканских стран и оптимизировать их производственные мощности. Это могло бы стать частью ответа на разворачивающийся на континенте продовольственный кризис.

В последние годы были выявлены различные расхождения и упущенные возможности в партнерстве ЕС-Африка, но ни одна тема не вызывала настолько острых и эмоционально заряженных дискуссий, как неумелые попытки совладать с пандемией COVID-19 и разногласия по поводу российской СВО на Украине.

Дейч Т.Л., д.и.н., вед.н.с.,
Институт Африки РАН

Китай в Африке в условиях становления многополярности и интересы России

Изменение положения Африки в международной системе координат привлекает к ней растущее внимание крупных мировых держав. Конкурентная борьба за политические и экономические позиции в странах континента обостряется, принимая в условиях жесткого противостояния «традиционных» и «новых» игроков форму конфликта «Восток-Запад». В конкурентной борьбе за страны континента лидирует Китай. Ни одно государство не может сравниться с ним по степени присутствия в Африке.

Китай – крупнейший торговый партнер стран Африки, ведущий кредитор и важный источник инвестиций в африканскую инфраструктуру. На китайские компании приходится, по оценкам, 1/8 промышленного производства континента. Созданная с китайской помощью цифровая инфраструктура играет ведущую роль для платформ, на которых держится цифровизация в Африке. Заметно крепнут политические связи Китая с Африкой, а также сотрудничество в военной сфере и в области безопасности. По состоянию на 2022 г. 52 страны Африки подписали с Китаем соглашения о сотрудничестве в рамках проекта «Один пояс, один путь» — самое большое количество стран на одном материке стали участницами китайского глобального внешнеполитического проекта.

Основной движущей силой Китая в настоящее время вновь становится политика. 2023-й год начался Пекином с традиционного визита на континент министра иностранных дел КНР, который совершил новый глава внешнеполитического ведомства Китая Цинь Ган. Его целью было подтвердить африканским партнерам готовность Пекина укреплять экономические, политические и культурные связи с Африкой.

Критикуя отдельные аспекты политики Китая, африканцы в целом положительно оценивают его роль в Африке, о чем свидетельствуют опросы «Афробарометра» и журнала «Экономист».

Наряду с укреплением китайско-африканского сотрудничества, набирают обороты и российско-африканские отношения. Разрыв с Западом, равно как и переформатирование мирового порядка, побуждают Россию обратить растущее внимание на Африканский регион. Россия не имеет колониальной истории в Африке, а ее традиционные связи с африканскими странами и антиколониальными движениями имеют долгую и положительную историю. Россия может прийти в Африку, как опора, как сила, способная действовать прозрачно и предсказуемо. В настоящее время Россия ведет подготовку ко второму саммиту и экономическому форуму «Россия-Африка», который состоится в Северной столице в июле 2023 года. Ключевыми темами станут: военно-техническое сотрудничество и сотрудничество в области безопасности, обеспечение продовольственной безопасности африканских стран, (в этой связи важны российские инициативы по безвозмездной поставке своих удобрений в Африку и обеспечению поставок зерна в беднейшие страны мира), противодействие давлению США на африканские страны и санкционной политике Вашингтона, взаимовыгодное экономическое и гуманитарное (научное, образовательное, культурное) сотрудничество.

Позитивное развитие российско-китайских отношений в последние годы актуализирует возможность для России взаимодействовать с Пекином в реализации тех или иных проектов, для чего есть определенные возможности.

Пекин хочет объединить усилия с Москвой, чтобы развивать Африканский регион, поддерживать в нем благополучную и мирную обстановку. Россия зарекомендовала себя в Африке как надежный экспортер безопасности, Китай — как экономический партнер, который может перекрыть инвестициями любые инициативы Соединенных Штатов. Россия рассматривает Африку как один из полюсов формирующегося многополярного мира: не объект, а субъект отношений, самостоятельный цивилизационный, культурный и экономический центр. Схожим образом осмысливает свои отношения с Африкой и Китай. В целом, российские и китайские интересы в Африке не являются антагонистическими. Напротив, обе страны настроены на сотрудничество.

Шипилов А.Ю., м.н.с., ИВИ РАН,
ассистент кафедры ТИМО РУДН

Фактор КНР в гражданской войне в Либерии (1989-2003 гг.)

Гражданские войны, охватившие Западную Африку в 1990-е гг. (прежде всего в Либерии и Сьерра-Леоне) косвенно отражали региональное присутствие крупных великих держав, оставшихся в Африке после окончания холодной войны. Наиболее значимую роль в либерийском конфликте играли США (обладавшие традиционно сильными связями с Либерией) и Франция, тесно взаимодействовавшая с соседними франкофонными странами Западной Африки, поддерживающими повстанцев Национального патриотического фронта Либерии Чарльза Тейлора.

Китай в это время только начинал расширять свое экономическое присутствие в Африке и предпочитал избегать вмешательства в военно-политические процессы, происходившие на континенте, однако на заключительном этапе гражданской войны в Либерии (в период 2001-2003 гг. в условиях постепенного введения международных санкций и ограничений ООН против режима Ч. Тейлора) КНР смогла стать значимым фактором

взаимоотношений Либерии с внешним миром и дальнейшего мирного урегулирования.

Политическая турбулентность накануне и во время гражданской войны привела к частой смене внешнеполитического курса Либерии, что отражалось, в частности, на признании КНР. Вместо нее в качестве официального международного представителя Китая под давлением США режимом С. Доу признавалась т.н. Китайская Республика (Тайвань). С приходом Ч. Тейлора к власти подтверждение признания Тайваня было одним из политических условий нормализации отношений с США, что в итоге и было реализовано.

Однако в условиях возобновившейся в 1999 г. гражданской войны и усиления международного давления (в том числе в форме алмазного и оружейного эмбарго) правительство Тейлора имело возможность получить дополнительного союзника в СБ ООН, признав КНР, чьи представители были готовы заявить о необходимости снятия со страны оружейного эмбарго ввиду наличия факта внешнего вторжения (антитейлоровские повстанцы из группировки ЛУРД пользовались поддержкой Гвинеи).

Однако т.н. Китайская республика предложила либерийскому президенту помощь в \$10 млн. ради сохранения дипломатических отношений, что привело к срыву переговоров с КНР. В итоге из-за принятого решения Тейлор остался в изоляции в ООН, что предопределило дальнейшие ограничения его возможности защищать собственную власть (утраченную в конечном счете в августе 2003 г.).

Таким образом, несмотря на ограниченное политическое присутствие в Африке на рубеже 1990-2000-х гг., Китай стал значимым фактором развития военно-политических процессов в Либерии, в значительной мере повлиявшим на исход данного гражданского конфликта.

Индия в Африке: конкурент или партнер России на континенте?

Россия и Индия являются стратегическими привилегированными партнерами, страны тесно сотрудничают в рамках многих международных организаций, среди которых БРИКС и ШОС. Какого же их взаимодействие и сфера интересов на Африканском континенте? Перекрываются ли их интересы в Африке, партнеры они или конкуренты?

В настоящее время Индия активно продвигает сотрудничество с Африкой в сфере торговли, инвестиций, в сельском хозяйстве, медицине, науке и образовании, в сфере информационных технологий, предоставляет кредитные линии, осуществляет сотрудничество в сфере безопасности и предотвращения конфликтов в африканских странах.

Россия взаимодействует со странами Африканского континента в образовании, науке, медицине, атомной энергетике, предоставляет доступ к высоким технологиям в сельском хозяйстве, добыче полезных ископаемых, геологоразведке, осуществляет военно-техническое сотрудничество. Также прорабатываются варианты открытия новых консульств РФ в африканских странах.

Если сравнивать торговлю, то можно сказать, что индийско-африканский допандемийный товарооборот в 2019 г. составлял \$68,4 млрд, в 2020 г. снизился до \$53,5 млрд, в 2021 г. увеличился до \$82,5 млрд. У России товарооборот в 2019 г. составил \$16,8 млрд, в 2020 г. – \$14,5 млрд, а в 2021 г. он находился на уровне \$17,7 млрд. Таким образом, индийский товарооборот с Африкой превышал российский в 4 раза в 2019 г., в 3,7 раза в 2020 г. и в 4,7 раза в 2021 г. При этом, в 2021 г. экспорт РФ в Африку от общего экспорта страны составил 3%, у Индии - 9,6%.

Отметим, что обе страны, и Россия, и Индия, понимают значимость сотрудничества с африканскими странами. При этом, находясь в тесном

взаимодействии, каждая страна в отдельности продвигает свои интересы в Африке. Полагаем, что Россия и Индия могли бы выиграть от образования плодотворного тандема с целью сотрудничества со странами Африки в ряде перспективных отраслей: сельское хозяйство, продовольственная безопасность, медицина, наука, образование, развитие энергетики. Это, несомненно, будет способствовать укреплению взаимодействия между странами и усилению их позиций на Африканском континенте, как влиятельных игроков мировой экономики.

Усов В.А.
к.и.н., ведущий эксперт РИСИ

Африканская политика Нью-Дели в сфере безопасности: вызовы и перспективы

Произошедшая после окончания холодной войны «экономизация» индийско-африканских связей на долгие годы определила особое место торгово-экономических вопросов в отношениях между Индией и странами Африки. Однако в последнее время индийская сторона все чаще говорит о сотрудничестве с Африкой в сфере безопасности. Ряд индийских исследователей ожидают, что именно проблемы безопасности станут ядром дальнейшего развития стратегического партнерства между Индией и Африканским союзом. При этом понятие «безопасность» индийцами трактуется максимально широко – от традиционных до так называемых новых угроз.

Вместе с тем повышенное внимание Нью-Дели к вопросам безопасности и их постепенное закрепление в качестве одного из ключевых направлений индийско-африканского взаимодействия фактически означают открытое противостояние Китаю в Африке не только экономическими, но и военно-политическими методами.

Дополнительно обострить ситуацию может тот факт, что развивать этот диалог Индия предполагает совместно с иными участниками

Четырехстороннего диалога по безопасности (QUAD), т. е. США, Австралией и Японией, имеющим отчетливый антикитайский вектор, рядом европейских стран – Францией, Германией и Великобританией, а также ОАЭ.

Обозначившаяся в последние годы тенденция к излишней «политизации» индийской деятельности в Африке и зоне Индийского океана может оказаться серьезным испытанием для индийско-африканских связей. Сотрудничество со странами Запада на антикитайской основе усиливает риски использования Нью-Дели африканских государств, прежде всего прибрежных и островных стран Индийского океана, для противостояния Пекину. Хотя африканцы, как правило, приветствуют экономическую конкуренцию внешних сил за доступ к ресурсам Африки, их военно-политическое и дипломатическое противостояние на континенте может неблагоприятным образом отразиться на самих африканских странах. Те не желают выбирать между Индией и Китаем, предпочитая получать выгоды и инвестиции от обоих.

Чрезмерное внимание, уделяемое Нью-Дели в последние годы задачам противодействия Пекину на континенте, также противоречит заявлениям индийских лидеров о приоритетности интересов Африки в развитии индийско-африканских отношений. Столь же заметное внутреннее противоречие содержится во все большем крене Индии в сторону расширения взаимодействия, в том числе военно-политического, с западными государствами, прежде всего США и Францией, намерения которых сохранить свое влияние в Африке и зоне Индийского океана часто воспринимаются там не иначе как откровенные «неоколониальные» устремления.

Развитие ситуации в Африке и примыкающей к ней акватории Индийского океана по пути усиления конфронтации между Индией и Китаем – двумя ее стратегическими партнерами – явно не отвечает интересам России в целом и в этой части мира в частности. Кроме того, столкновение индийских и китайских интересов в Африке, обостряющее и без того напряженные

отношения между этими странами, побуждает Нью-Дели к дальнейшему укреплению партнерских связей с Вашингтоном и его союзниками в регионе.

Евграфов А. И., студент,
Институт стран Азии и Африки МГУ

Восходящая роль Турции на Африканском континенте

Возрастающая роль Африки как субъекта многополярного мира подтверждается в том числе выраженным интересом к ней со стороны таких крупных и быстрорастущих экономик как Турция. Еще недавно отношения Турции с Африканским континентом не занимали заметного места во внешнеполитической и внешнеэкономической стратегии страны.

В исторической ретроспективе активные взаимоотношения Османской империи с рядом стран Африканского континента сменились почти вековым застоєм в период Республики, продлившимся вплоть до 1990-х годов. И даже несмотря на то, что в 1998 г. правительством Турции была принята программа по наращиванию сотрудничества со странами Африки, фактическая активизация отношений между сторонами началось только после прихода к власти в 2002 г. Партии справедливости и развития (ПСР).

Перелом во внешнеполитическом видении Турции неразрывно связан с именем бывшего министра иностранных дел Ахмеда Давутоглу, сформировавшего новую концептуальную основу многовекторной турецкой внешней политики, где особое место уделялось в том числе странам Африки.

Разворот в сторону Африканского континента начался в Турции с провозглашения 2005 г. «Годом Африки» и последующим получением ею статуса страны-наблюдателя в Африканском союзе; впоследствии в 2008 г. Турция была провозглашена стратегическим партнером данной организации.

Период с 2005 по 2008 гг. стал временем, когда Турция начала демонстрировать свою приверженность долгосрочному сотрудничеству с Африкой, что в то время воспринималось с некоторой долей скепсиса со стороны некоторых африканских лидеров.

Тем не менее в скором времени ряд факторов подтвердил серьёзность намерений Турции. Количество посольств страны на Африканском континенте возросло с 12 в 2002 г. до 44 в 2022 г. С ростом числа дипломатических представительств увеличивалось и количество офисов ТІКА, турецкого агентства по международному сотрудничеству, а фактически по оказанию помощи странам, включенным в зону турецких интересов. На данный момент агентство располагает отделениями в 22 странах Африки, откуда оно координирует свою деятельность в более чем 40 государствах континента. Для сравнения, в 2010 г. ТІКА имела офисы только в Эфиопии, Судане и Сенегале. Кроме того, регулярный характер приобрел саммит Турция-Африка.

Количественные показатели также подтверждают постепенное нарастающее присутствие Турции на континенте. Объемы турецкой помощи увеличились с \$11 млн в 2005 г. до \$99 млн в 2021 г.; она в основном приходилась на традиционных получателей - Сомали, Судан, Ливию и некоторые страны Западной Африки. Суммарный товарооборот вырос с \$6,8 млрд в 2005 г. до \$33 млрд в 2022 г., при этом увеличение товарооборота обеспечивалось преимущественно ростом турецкого экспорта на более чем 70%.

Турция использует на континенте свой национально-специфический инструмент мягкой силы, который заключается в привлечении большого числа разнообразных турецких акторов к решению задач развития в долгосрочной перспективе и к реагированию на гуманитарные бедствия в краткосрочной перспективе. При этом большинство действий предпринимается турецкой стороной «на местах» при непосредственном взаимодействии с местными жителями, что преследует цель формирования у населения образа страны-друга, что впоследствии капитализируется турецкими экономическими агентами.

Арабские государства Африканского континента: потенциалы и пределы регионального лидерства

Исторической и экономической особенностью Африканского континента является проведение границ государств без учета этнолингвистических особенностей развития тех или иных африканских обществ. Именно формирование независимых государств Африки, основанных на политических реалиях (принадлежность западным метрополиям) привело к дестабилизации в регионе, к непрекращающимся междоусобным войнам (когда представители одного этноса или племени оказались разделенными границами разных государств), войнам за ресурсы и др.

В рамках Северной Африки особое звено составляют отношения таких политических игроков, как Марокко, Алжир и Ливия. Если Ливия (благодаря М. Каддафи) находила определенный баланс в выстраивании своей внешнеполитической стратегии, то Алжир и Марокко исторически были связаны кругом противоречий и взаимных претензий. Например, после обретения независимости в 1956 г. Марокко взяло курс на строительство национального государства и единство марокканской нации. Поэтому возник политический проект объединения исторических территорий Большого Марокко (Мавритания, Западная Сахара, часть территории Мали), входивших в состав единого государства до установления французского протектората.

Египет является историческим центром арабского мира. Даже после событий «арабской весны» он по экономическому весу заметно выделяется в регионе. Однако по наличию полезных ископаемых он уступает соседям. Недра региона богаты углеводородами (Алжир и Ливия), фосфоритами (Марокко – мировой лидер по их запасам) и др. Вместе с тем борьба за водные и продовольственные ресурсы станет на ближайшую перспективу главным

вызовом, с которым столкнется Египет и соседние с ним страны. Особую напряженность в этом плане создает сосед Египта – Судан, раздираемый религиозными противостояниями мусульман и христиан и распавшийся на два государства.

Отдельного внимания заслуживает понятие «малая страна» применительно к арабскому миру. Нередко именно эти страны оказывались под «перекрестным огнем», будучи окружены крупными африканскими странами, которые противоборствуют между собой за влияние на континенте. От позиции этих малых стран часто зависит не только стабильность в различных регионах Африки, но и благодаря взвешенной политики руководителей малых стран происходит поступательный процесс модернизации и региональной интеграции, способствующий развитию всего Африканского континента.

Наиболее острым становится вопрос отнесения Ливии к числу малых стран, поскольку она (особенно во времена М. Каддафи) рассматривалась как крупное государство в своем субрегионе, проводящее четкую внешнеполитическую и внешнеэкономическую стратегию, предлагающее новые амбициозные планы для всего Африканского континента. Может быть именно в подобном отнесении своей страны к числу крупных (с соответствующими политическими шагами), переоценке своего политического веса кроются важные причины резких кардинальных изменений в Ливии, приведших к раздробленности и к политическому коллапсу. Вместе с тем небольшие размеры страны не всегда мешает ее внешнеполитической активности (примеры – Австрия, Бельгия, Швейцария).

Тунис – классическая малая страна. Государство, находящееся «в тисках» крупных государств Северной Африки, с весьма сложными отношениями между собой, борющимися за влияние в данном регионе и в Африке в целом, в своей внешнеполитической и внешнеэкономической стратегии избрало модель опоры на поддержку Франции.

Инвестиционная политика арабских государств Персидского залива в странах Африканского Рога

Государства Персидского залива, особенно Королевство Саудовская Аравия (КСА) и Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ), являют собой классический пример экспортоориентированной модели развития. За счет поставки энергоносителей и экспорта услуг в них формируется стабильный профицит торгового баланса, в связи с чем возникает естественная необходимость рационального распределения доходов от экспорта. Львиная доля средств идет на финансирование крупных внутренних инфраструктурных проектов.

Меньшая, но тем не менее существенная часть экспортных доходов государств Персидского залива уходит за рубеж в виде прямых зарубежных инвестиций (ПЗИ). О значительности этих средств свидетельствует тот факт, что две страны аравийского полуострова, а именно КСА и ОАЭ, носят статус инвесторов «глобального масштаба» (см.табл.1), входя в ТОП-20 крупнейших стран-доноров ПЗИ. По данному показателю КСА занимает 15-е, ОАЭ – 17-е место. Основной объем финансирования реализуется через Суверенный фонд Саудовской Аравии, Фонд Абу-Даби для развития, Фонд развития предпринимательства Халифа и Исламский банк Дубая.

Таблица 1

ПЗИ КСА, ОАЭ и Катара в 2015-2021 гг., в млн \$

	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
КСА	5 390	8 936	7 280	19 252	13 547	4 911	23 860
ОАЭ	16 692	15 711	14 060	15 079	21 226	18 937	22 546
Катар	4023	7 902	1 695	3 523	4 450	2 730	160

Источник: UNCTAD World Investment Report 2022

Среди факторов, определяющих привлекательности стран Африканского Рога как направления капиталовложений государств Персидского залива, – укрепление своего влияния среди мусульманского населения региона, контроль над нестабильной ситуацией в сфере безопасности и, безусловно, экономические возможности, которые открываются в связи с запуском Африканской континентальной зоны свободной торговли.

Новая африканская ЗСТ является крупнейшим в мире мега-региональным торговым соглашением по количеству стран-участниц. Хотя их доля в МВП и мировом товарообороте совсем невелика – 2,8% и 2,2%, соответственно, не вызывает сомнений значительный экономический потенциал региона, который, по нашим оценкам, составляет более \$6,65 трлн. Полноценная реализация этого проекта, запланированная к 2045 г., по сути, сделает Африканский Рог плацдармом для беспошлинной торговли со странами континента, откроет широкие перспективы для сбыта продукции из ССАГПЗ.

Отметим, что дальнейшее инвестирование в реальный сектор экономики будет также означать новые возможности для создания предприятий по обслуживанию растущего спроса самих арабских стран Персидского залива. Пока же приоритетными сферами капиталовложений являются сельское хозяйство, строительный и финансовый сектора, а также энергетический комплекс.

Таблица 2

ПИИ стран Африканского Рога в 2015-2021 гг., в млн \$

	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Джибути	143	160	164	170	175	158	167
Сомали	303	330	369	408	447	463	456
Эритрея	49	52	56	61	67	74	71
Эфиопия	2 627	4 143	4 017	3 310	2 549	2 381	4 259

Источник: UNCTAD World Investment Report 2022

Наибольшее внимание инвесторов, вне зависимости от страны их резиденства, приковано к Эфиопии (см.табл.2). Эта крупнейшая страна региона среди прочего является важным пунктом на карте китайской инициативы «Один пояс, один путь». В 2021 г. ПИИ в нее выросли на 79% до \$4,3 млрд. При этом четыре из пяти новых инвестиционных проектов были связаны с развитием возобновляемых источников энергии. Вторым крупнейшими реципиентом капиталовложений в регионе является Судан, что обусловлено высоким сельскохозяйственным потенциалом страны. Инвестиции в местный АПК - залог продовольственной безопасности арабских стран нетто-импортеров продовольствия. Крупные проекты по развитию портовой инфраструктуры реализуются ОАЭ в Джибути, важность которой как логистического хаба среди прочего связана тем, что эта страна обеспечивает основной поток сельскохозяйственного реэкспорта из Эфиопии в государства Персидского залива.